

долгія «минуты» всё тѣ неумолимыя и неустрашимыя задачи, которыя господствуютъ въ общемъ ходѣ событій современной исторіи?

Кто изъ насъ не волновался эти дни, слѣдя за тѣмъ, какъ въ Auteuil или въ Longchamps на скачкахъ—вообще, какъ я думаю, не особенно васъ интересующихъ—происходили столкновѣнія бѣлыхъ и красныхъ цвѣтковъ; и за любопытною эволюціею парижской полиціи, безцеремонно и безпристрастно осыпавшей ударами вечеромъ тѣхъ самыхъ социалистовъ и радикаловъ, которые еще утромъ готовы были драться и дѣйствительно дрались за главу буржуазной республики?

Кто изъ насъ не хваталъ съ нетерпѣніемъ вчера и сегодня газеты, чтобы скорѣе узнать, рѣшенъ ли вопросъ о паденіи министерства Дюпюи, и кто рѣшается взять на себя трудную роль быть его преемникомъ?

А сквозь этотъ поверхностный слой сегодняшнихъ насущныхъ вопросовъ Парижа, сегодняшнихъ жгучихъ, но мѣстныхъ заботъ, проглядываетъ для насъ, русскихъ, уже совсѣмъ другое: даже въ бѣглыхъ разговорахъ съ пріятелями французами вамъ приходится, вѣроятно, нерѣдко отвѣчать на повторяющіеся вопросы: что это дѣлается у васъ въ Россіи? Какой дѣйствитель-

ный смыслъ имѣетъ тотъ странный фактъ, что глава этого бюрократическаго и милитарнаго государства, въ эти же самые дни, обращаетъ въ официальное торжество чествованіе писателя, если и не боровшагося въ дѣйствительности противъ абсолютизма, тѣмъ не менѣе провозглашавшаго своимъ идеаломъ «разумъ» и «свободу», идеалъ не очень то гармонирующій съ господствомъ абсолютизма? Да, для многихъ можетъ казаться страннымъ, что бюрократизмъ, — подвергающій тяжелому гнету и литературу, и университеты, изгоняющій изъ нихъ студентовъ и однимъ почеркомъ пера беззастѣнчиво отмѣняющій все реальное значеніе финляндской конституціи, которую онъ обязался охранять, — посылаетъ привѣтственную телеграмму собранію представителей русской науки и литературы, которые по самому существу—даже противъ собственной воли — представляютъ элементъ оппозиціонный бюрократическому произволу. — Какъ ни увлекается тотъ или другой изъ насъ судьбою Дрейфуса или Деруледа, политическими событіями въ палатѣ депутатовъ или на улицахъ Парижа, но всё мы — я увѣренъ въ этомъ—слѣдимъ съ тревожною тоскою за всѣмъ, что совершается у насъ на родинѣ. А какъ только мы произне-